

в работах Сергея Борисова, и по ним можно видеть, в какой головокружительной свободе обитали тогдашние неформальные музыканты, поэты и прочий художественный люд. Это была короткая, яркая, незабываемая эпоха, когда чуть ли не каждый день случалось заметное событие в отечественной культуре — таково было то ли состояние умов, то ли предгрозовое электричество в общей атмосфере.

Очень похоже, что в отечественной фотографии роль проводника этой «новой волны» выпала не кому-то из сложившихся мастеров, людей, как правило, старшего поколения, работавших основательно и планомерно, а именно Алексею Колмыкову. Он был тогда, конечно, не единственным, но одним из самых ярких фотографов, делавших невиданные до того вещи — причем делавших их сходу, естественно и легко. Название его знаменитой серии «Коллекция непрерывных опытов» надо понимать буквально — казалось, что чуть ли не ежедневно в кюветах его лаборатории рождались работы, без натяжки, мирового уровня. В тот удивительный период фотография самого высокого полета была для него естественной и постоянной, как дыхание. Такого раньше просто не было — и от одного этого «неформата» табель о рангах советских фотографов, намеченная выше, потеряла большой кусок своей незыблемости. Она никуда не делась, как никуда не делись и люди, ее составлявшие, но чувства стала вызывать уже другие — не внушительность, а скорее сочувствие.

Алексей очень быстро нашел свой стиль и словно просеивал мир через сито своих объективов, решая по ходу дела, экспромтом, непростые технические задачи, импровизируя и снимая завораживающую смесь музейных редкостей и найденного на улице мусора, которые на его отпечатках уравнивались между собой, становясь артефактами одной высочайшей пробы. Первая аналогия, приходящая на ум при мысли о его работах той поры, — биографии титанов Возрождения: та же естественность выражения и добровольная истовость в работе. Вторая — заповеди художников всяких дальневосточных учений, дзена и дао, для которых ценностью было не столько произведение, сколько процесс его создания, точнее, состояние духа в ходе этого процесса. И здесь аналогия полная — Алексей раздвигал свои работы с легкостью, и теперь в Москве и за рубежом есть немало больших коллекций с его произведениями, в отличие от его дома; в общем, принцип «работы художника принадлежат миру» нашел в этом случае свое полное воплощение.

Сейчас времена поменялись. Изменился и сам Алексей, и его современные работы во многом отличаются от прежних. Сложно сказать, хорошо это или плохо — это, скорее всего, неизбежно, и дзенская мудрость расскажет о неотвратимости круговорота

